

Изменить мнение Чжан Чуяна казалось невозможно. До самого его отъезда Лу Цинцзю ловил в его глазах трудноуловимые искорки почтительного страха. Он оставил попытки оправдаться, смирившись с таким отношением.

После завтрака Лу Цинцзю отвез Чжан Чуяна и Чжу Мяомяо в город на своем пикапе. Прощание вышло неохотным – если быть точным, неохотно прощались с Лу Цинцзю именно Чжан Чуян и Чжу Мяомяо.

«Господин Лу, если у кого-то еще возникнет... подобная проблема, можно я обращусь к вам?»

Длинные волосы Чжан Чуяна, собранные в низкий хвост, делали его похожим на бродячего художника. Он сжимал руки Лу Цинцзю в мертвой хватке, явно не желая отпустить. «Можно, господин Лу?»

От этого железного рукопожатия ладони Лу Цинцзю покраснели. Он беспомощно ответил: «Можно».

Только тогда Чжан Чуян нехотя разжал пальцы.

Чжу Мяомяо, отозвав Лу Цинцзю в сторону, вновь уговаривала его вернуться в компанию. Она желала добра и просто за него беспокоилась, поэтому Цинцзю слушал с улыбкой, но и не думал соглашаться.

Чжу Мяомяо, признав поражение, вздохнула: «Ладно. Возвращайся когда захочешь».

«Спасибо тебе», — Лу Цинцзю был искренне благодарен Чжу Мяомяо за заботу все эти годы в компании.

Проводив их взглядом до самого поезда, Лу Цинцзю развернулся и вышел со станции. Но домой он не спешил. Сначала заехал в город, чтобы закупить предметов первой необходимости и еды. У него дома жил ненасытный едок – Бай Юэху, и без мяса было никак не обойтись. Для удобства Лу Цинцзю каждый раз покупал про запас несколько десятков цзинь.

Когда все покупки были сделаны, пришло СМС: «На ваш счет зачислено 200 000 юаней». Лу Цинцзю перечитал сообщение дважды, убедился, что не ошибся, и набрал Чжу Мяомяо. Может, Чжан Чуян ошибся?

«Нет, я не смогла его отговорить. Он настоял на том, чтобы перевести тебе двести тысяч», — в голосе Чжу Мяомяо сквозила полная беспомощность. Она и сама не понимала, как отношение Чжан Чуяна к Лу Цинцзю так радикально изменилось за одну ночь.

Лу Цинцзю: «Передай ему трубку».

Чжу Мяомяо протянула телефон Чжан Чуяну. «Господин Лу, вы это заслужили!» — тут же раздался его голос.

Лу Цинцзю: «Погодите...»

Чжан Чуян говорил быстрее: «Я никогда не видел ничего подобного! Всего за одну ночь у меня отросли такие густые волосы! Боже, это невероятно! Эти деньги — лишь тысячная доля моей благодарности! Пожалуйста, вы обязаны их принять!» — не дожидаясь ответа, он положил трубку.

Лу Цинцзю остался стоять в молчаливом недоумении.

Что ж, для крепкого мужчины чуть за тридцать столкнуться с угрозой облысения — настоящий ужас. Тот, кто помог отрастить эти шикарные иссиня-черные волосы, стал для него спасителем и почти что божеством. А с учетом мистической атмосферы той ночи, в сознании Чжан Чуяна Лу Цинцзю окончательно превратился в высшее существо, которого ни в коем случае нельзя прогневать.

Тем временем «высшее существо» Лу Цинцзю окончательно оставил попытки развеять это недоразумение. Он загрузил в пикап несколько десятков порций свинины, сел за руль и отправился домой готовить обед.

Последние дни не переставая моросил дождь, и горная дорога стала скользкой. Но пикап двигался с привычной скоростью, разве что чуть медленнее, так же уверенно и устойчиво, как всегда. Лу Цинцзю мог не волноваться.

Добравшись до дома, он припарковался и, как обычно, похлопал пикап по капоту и фарам, шепнув пару одобрительных слов.

Войдя во двор с тяжелой ношей мяса, Лу Цинцзю с удивлением обнаружил, что там нет обычно бездельничающего Бай Юэху или Инь Сюня.

«Бай Юэху? Инь Сюнь? Вы где?»

Он обошел весь двор, но так никого и не нашел — значит, ушли по делам. Лу Цинцзю не стал их искать, а направился напрямик на кухню.

Сегодня он купил отличные свежие ребрышки, так что на обед было решено подать свинину. Он приготовит маленькие ребрышки в кисло-сладком соусе, сухое жаркое из свинины и кастрюлю супа с зимней тыквой и свиными рёбрышками. Бай Юэху был неприхотлив в еде, он съедал практически все. Его единственным капризом было предпочтение мяса перед овощами.

Лу Цинцзю нарезал ребрышки, промыл их от крови. Как раз когда он готовил специи для

жаркого, во двор вернулись Инь Сюнь и Бай Юэху. Вдвоем они тащили большой мешок, оставлявший за собой длинный мокрый след – внутри было что-то очень влажное. Мешок время от времени дергался: там явно билось что-то живое.

Лу Цинцзю, стоя с поварешкой в руке, замер и уставился на мешок. В голове пронеслись тысячи кровавых сцен из фильмов ужасов. Он прошептал: «Инь Сюнь... Что в мешке?»

«Рыба», — ответил Инь Сюнь.

Лу Цинцзю с облегчением выдохнул. Заметив эту реакцию, Инь Сюнь громко рассмеялся: «Думал, мы притащили труп какого-нибудь утонувшего туриста?»

Лу Цинцзю: «...» Это предположение не казалось ему невозможным.

Инь Сюнь развязал мешок и показал содержимое. Внутри действительно билась огромная черная рыба, но вид у нее был странный: на теле бледные пятна, а губы – ярко-красные. В целом напоминала карпа, но при ближайшем рассмотрении отличия все же были. На спине рыбы зияли две раны, из которых сочилась алая кровь. Несмотря на раны, рыба не слабела, а наоборот, неистово билась в мешке.

«Что это за рыба? — удивился Лу Цинцзю. — Таковую я никогда не видел». Карп, но не совсем. Может, декоративная порода?

«Карп», — отозвался Бай Юэху, стоявший позади.

Карп? Разновидностей декоративных карпов действительно много. Лу Цинцзю кивнул: «Тогда... может, приготовим завтра?»

«Сегодня, — настаивал Бай Юэху. — Рыба ранена, долго не проживет».

Лу Цинцзю: «Ладно... Помоги ее разделать, а я пока займусь ребрышками. Рыбу... приготовим с маринованной китайской капустой?»

Бай Юэху удовлетворенно кивнул.

Рыба была крупной, мясо, вероятно, не слишком нежное и с сильным запахом, так что для блюда с кислой капустой подходила идеально. Пока Лу Цинцзю возился со свиной, Бай Юэху в сторонке прикончил рыбу и, следуя указаниям, ловко разделал ее на куски.

Его навыки разделки были безупречны. Он аккуратно удалил внутренности, вспоров брюхо, и тщательно рассек тушу по структуре мяса. Лу Цинцзю, наблюдая со стороны, заметил, что мясо оказалось гораздо нежнее, чем он ожидал. Казалось, кроме хребта, костей в нем почти не

было.

Взглянув на строение рыбы, Лу Цинцзю понял: Бай Юэху солгал. Это точно не карп. Карпы невероятно костлявые. В этот момент мимо, направляясь к полям, проходил Инь Сюнь. Лу Цинцзю не стал ходить вокруг да около: «Это не карп. Что за рыба?»

Бай Юэху взглянул на него и выдохнул два слова: «Вэнь-яо».

Лу Цинцзю: «...Не слышал о такой».

«Не ядовита. Вкусная, — сказал Бай Юэху, внимательно следя за его реакцией, словно боясь, что Лу Цинцзю откажется готовить незнакомую рыбу. — Хорошо сочетается с маринованной капустой».

«Ладно, ладно, — мысленно вздохнул Лу Цинцзю. — Какая разница, знаю я ее или нет, лишь бы съели». Мясо и правда выглядело отлично. Жаль, что он уже решил готовить с капустой – можно было бы просто приготовить на пару...

Молчаливое согласие было достигнуто. Бай Юэху, довольно улыбаясь, продолжил нарезать рыбу, а Лу Цинцзю принялся за приготовление большой кастрюли рыбы с маринованной китайской капустой.

Овощи Лу Цинцзю замариновал собственноручно. Прошло ещё слишком мало времени, поэтому они не успели как следует замариноваться, и он щедро добавил их в блюдо. Ломтики рыбного мяса утонули в море хрустящих маринованных овощей, а кухню окутал насыщенный, аппетитный аромат.

Пока Лу Цинцзю возился у плиты, Инь Сюнь и Бай Юэху стояли на пороге, наготове, чтобы в любой момент вынести блюда и начать трапезу.

«Готово, — выложив рыбу в специально купленный таз из нержавеющей стали, Лу Цинцзю объявил о начале обеда тоном воспитателя в детском саду. — Можете приступать».

Бай Юэху и Инь Сюнь зашли на кухню, чтобы вынести посуду. Лу Цинцзю снял фартук, сделал глоток воды, немного перевёл дух и уселся во главе стола.

Из-за неожиданного появления рыбы Лу Цинцзю приготовил лишь сухие свиные рёбрышки. Остальные он отложил в холодильник – до вечера. Бай Юэху и Инь Сюнь даже не шелохнулись, ожидая, когда хозяин дома первым возьмёт кусочек. Это стало негласным правилом: раз уж Лу Цинцзю так усердно готовит, они двое обязаны дождаться его. Лу Цинцзю не раз пытался убедить их, что можно начинать и без него, но те и ухом не вели, так что ему пришлось смириться.

Лу Цинцзю подцепил палочками кусочек рыбы и отправил в рот. В его глазах мелькнуло изумление. «Рыба и вправду необыкновенная», — произнёс он. Мясо было невероятно нежным, таяло на языке, оставляя мягкое, слегка сладковатое послевкусие. В сочетании с кислинкой маринованных овощей выходило невероятно аппетитно!

«У-у-у», — усердно закивал Инь Сюнь, чьи палочки и не думали останавливаться.

Лучшее в этой рыбе – полное отсутствие костей, что позволяло предаться обжорству без помех. Каждый кусочек был сочным, жирным, без малейшего рыбного душка. Даже Лу Цинцзю, равнодушный к морепродуктам, не мог оторваться.

Рыба снискала всеобщее одобрение, но Бай Юэху не выпускал из виду и горшок с сухими рёбрышками. Он приветствовал все виды мяса.

Готовя, Лу Цинцзю опасался, что рыбы слишком много. Однако, судя по тому, как уплетали Инь Сюнь и Бай Юэху, опасения были напрасны. Вскоре на дне таза, изначально предназначавшегося для умывания, а ныне до краёв наполненного рыбой, показалось дно. Первым выбыл Инь Сюнь: он потирал круглый живот, бормоча, что вот-вот родит, и требуя от Лу Цинцзю ответственности.

Лу Цинцзю: «У тебя живот от рыбы, при чём тут я?»

Инь Сюнь: «...»

Боевая мощь Бай Юэху всегда была на ином уровне: пока живот Инь Сюня раздулся, он всё ещё сражался. Рыба исчезала у него во рту, будто проваливалась в бездонную пропасть. Сытым он явно не выглядел. Лу Цинцзю взглянул на его живот – тот не изменился ни на йоту.

Лу Цинцзю и Инь Сюнь просто сидели и наблюдали со стороны, как Бай Юэху на одном дыхании уплетает рыбу, маринованные овощи и даже выпивает суп. В котелке с сухими рёбрышками рядом остались лишь лук да приправы. Покончив с едой, он встал и направился мыть посуду.

Лу Цинцзю: «Юэху, ты сыт?»

Бай Юэху: «Практически».

Лу Цинцзю: «...»

Если подумать, Бай Юэху никогда после еды не говорил, что сыт. Даже на прямой вопрос он отвечал лишь «Почти» или «Практически».

«Практически» означало, что на деле он не наелся, верно?

Лу Цинцзю задумался: настанет ли день, когда он увидит по-настоящему сытого Бай Юэху...

После трапезы компания разошлась по домам.

Лу Цинцзю принял душ и уселся за компьютер поиграть. В процессе его осенила мысль; он открыл браузер и ввёл два иероглифа: «Вэнь-яо». Этот вид рыбы упоминался в «Книге гор и морей»\*. Там её описывали как ската с телом карпа и птичьими крыльями: пепельно-серое туловище, белая голова, алый рот. Она обитает в Западных морях, а голос её подобен крику луаня [птицы, похожей на феникса]. На вкус кисло-сладкая, а её поедание исцеляет от безумия. Увидеть её – к богатому урожаю.

[\* Канон гор и морей/Каталог гор и морей – древнекитайский трактат, сборник карт, описаний мест, животных, растений, духов и легендарных героев. Дата создания: предположительно конец III — начало II века до н. э.. Традиционно в китайской культуре автором трактата считался Великий Юй – древний мифический государь Китая, основатель династии Ся, который составил карту своих земель. Современные учёные полагают, что трактат был написан в период Сражающихся Царств – в эпоху династии Хань (206 до н. э. – 220 н. э.)]

Суть сводилась к тому, что эта птице-рыба звучала как луань, была кисло-сладкой на вкус и лечила сумасшествие.

Прочтя описание, Лу Цинцзю на мгновение замер, вспоминая вкус только что съеденной рыбы с маринованными овощами. «Канон гор и морей» оказался точен.

Что касается самой книги, Лу Цинцзю смутно припоминал, что в ней записано множество диковинных созданий. Недолго думая, он заказал экземпляр в интернет-магазине, решив как-нибудь почитать.

Пережив на ночь, он быстро почувствовал усталость. С тех пор как Лу Цинцзю перебрался в деревню Шуйфу, он забыл, как пишется слово «бессонница». Каждый вечер он засыпал, едва голова касалась подушки.

Эта ночь не стала исключением. Лу Цинцзю лёг, прикрыв живот лёгким одеялом. Погода становилась всё жарче. Через пару дней можно будет постелить плетёную циновку. Он закрыл глаза, погружаясь в дрему под стрекот цикад.

В полночь крепко спящий Лу Цинцзю услышал чей-то пронзительный вопль. Неуверенно приподнявшись ото сна, его первой сонной мыслью было: разве Чжан Чуян уже не отрастил волосы? С чего бы ему снова кричать?!

Придя в себя и прислушавшись, он понял – кричал не Чжан Чуян. Голос был совершенно незнакомым.

«Кто там? Кто-то во дворе?!» — всё ещё в пижаме, Лу Цинцзю бросился во внутренний двор.

Яркая луна, висевшая в небе, скрылась за тяжёлыми тучами. Лу Цинцзю с трудом различал два распластанных тела у себя во дворе. Ворота были распахнуты настежь, словно их выломали. Охваченный тревогой, Лу Цинцзю сообразил – в дом забрались грабители. Он схватил одну из досок, оставшихся после постройки виноградной шпалеры, и крикнул: «Кто здесь?!»

Но двое лежали без движения. Лу Цинцзю не решился подойти ближе, развернулся и пошёл в коридор включить свет.

Лампы ярко вспыхнули, заливая двор светом и позволяя наконец разглядеть происходящее.

На земле лежали двое молодых людей, лица их были залиты кровью, они тихо стонали. Рядом валялись два ножа, запятнанные свежей кровью – вероятно, оружие воров.

Не понимая, что произошло, Лу Цинцзю первым делом набрал полицию. Дежурный, выслушав, пообещал немедленный выезд и попросил проверить состояние грабителей, при необходимости вызвав скорую.

Лу Цинцзю согласился. Положив трубку и сжимая в руке деревянную плаху, он осторожно приблизился к лежащим. Их тела были усеяны мелкими ранками, будто их исклевали. От боли они пребывали в полубессознательном состоянии, лишь тихо стонали на месте.

Лу Цинцзю окинул двор взглядом. Заметив кровавые брызги на земле, он пошёл по следу и остановился перед входом в курятник.

Куры обычно вели себя смирно: стоило стемнеть или пойти дождю, как они сами спешили внутрь. Поэтому дверь в курятник никогда не запирали, и птицы свободно расхаживали по двору.

Лу Цинцзю распахнул дверь. Внутри повсюду виднелись кровавые пятна. Но главное было не в этом. Практически каждая курица была в крови. Сперва Лу Цинцзю подумал, что они ранены, но, поймав одну и осмотрев, обнаружил – птицы целы и невредимы. Значит, кровь на них – от тех двоих? Лу Цинцзю медленно обернулся, взглянув на стонущих на земле людей.

В этот момент проснулся и Бай Юэху. Он стоял, лениво прислонившись к косяку, и наблюдал за суетой во дворе.

Лу Цинцзю: «Доброй ночи».

«Доброй ночи», — тихо отозвался Бай Юэху.

Лу Цинцзю был уверен: тот точно знает, что случилось. Он подошёл к Бай Юэху и, указывая на недвижимых грабителей, спросил: «Полицию уже вызвал. Это не опасно для их жизни?»»

Бай Юэху покачал головой.

Лу Цинцзю: «Это же не могли быть...»

Не дав ему договорить и полунамёка, Бай Юэху совершенно серьёзно кивнул: «Именно то, о чём ты подумал».

Лу Цинцзю: «...Чёрт возьми, так это куры?! Значит, они даже не куры? Кто они тогда?»

Бай Юэху: «Съедобные».

Лу Цинцзю: «...»

Да, в системе координат Бай Юэху весь мир делился на две категории: съедобное и несъедобное...

Лу Цинцзю на секунду задумался и спросил: «А на вкус они хороши?»

Бай Юэху: «Очень».

Произнося «очень», он слегка прищурился, и в глазах его мелькнуло тёплое воспоминание, вероятно, о вкусе этих самых кур.

Раз уж вора́м не угрожала опасность, Лу Цинцзю не стал вызывать скорую. Он взял влажное полотенце, подошёл к курятнику и принялся осторожно смывать кровь с пернатых, спросив Бай Юэху: «Они же меня не клюнут?»

«Они знают хозяина», — ответил Бай Юэху.

Лу Цинцзю: «Они разумны?»

Бай Юэху ответил твёрдо и без колебаний: «Нет».

Лу Цинцзю: «...»

Бай Юэху: «Истинная правда. От них проку - лишь в качестве закуски».

Лу Цинцзю не знал, смеяться ему или плакать. Однако цыплёнок в его руках сидел смирно, не выказывая ни малейшего намерения клюнуть хозяина. Вытирая пернатого питомца, он спросил: «Смогу ли я одолеть в драке этих цыплят?»

Бай Юэху: «Э-э...»

Лу Цинцзю обернулся и уставился на него: «И что это «э-э» означает?»

«Я провёл сравнительный анализ твоих боевых возможностей и потенциала цыплёнка, — Бай Юэху снова сделал паузу, а затем изрёк: — Десять к одному».

Лу Цинцзю приятно удивился: «Я могу одолеть десятерых?»

Бай Юэху: «Понадобится десять таких, как ты, чтобы справиться с одним цыплёнком».

Лу Цинцзю: «...»

Видя остекленевший взгляд Лу Цинцзю, Бай Юэху милостиво добавил: «Не тревожься. Когда придёт время их съесть, забить кур - моя забота».

Большое спасибо за ваш тяжкий труд.

Мистер Лу, наблюдавший весь процесс вычислений, испытывал жгучее желание выразить свою обиду. Однако, бросив взгляд на двоих воров, корчившихся во дворе от невыносимой боли, но без смертельных ран, он благоразумно решил не проверять на практике свою боевую мощь против этих пернатых стражей.

Примерно в четыре часа утра прибыла полиция. Первое, что предстало их глазам, - двое едва живых от боли грабителей и Лу Цинцзю, сидевшего во дворе и клевавшего носом.

«Эй, Лу Цинцзю».

Прибывший офицер оказался знаком - Ху Шу, тот самый, что в прошлый раз извлёк из колодца женский труп. Он произнёс с лёгким укором: «Почему это снова вы?»

Лу Цинцзю вздохнул: «Что поделать, сам не ожидал такого невезения. Эти двое взломали замок на воротах и намеревались обчистить мой дом».

«А откуда тогда эти раны?» — поинтересовался Ху Шу.

«Откуда мне знать? — развёл руками Лу Цинцзю. — Когда я вышел, они уже катались по земле. Не верите — спросите у них самих».

Оба злоумышленника были на грани потери сознания от боли и не могли внятно ответить на вопросы. Вглядевшись в их лица, Ху Шу узнал двоих беглых преступников, объявленных в розыск по всему городу неделю назад по обвинению в убийстве при ограблении. Кто бы мог подумать, что они угодят прямиком к Лу Цинцзю — вероятно, привлечённые его утренней покупкой мяса в городе.

«Ладно, я заберу этих людей, — сказал Ху Шу. — И не забудьте зайти в участок для дачи показаний».

«Зачем ещё одно заявление? Я же ничего не знаю», — Лу Цинцзю ощутил полное бессилие.

«А вот и нет, — возразил Ху Шу. — На них столько ран, а во дворе были только вы. Если не вы, то кто же? Или, может, ваши куры?» — Он небрежно ткнул пальцем в сторону курятника у стены.

Лу Цинцзю: «...» Чёрт побери, да это и вправду были они! Но сказать такое он не мог, да ему бы и не поверили. Поэтому он лишь смотрел на Ху Шу взглядом, полным немой горечи.

Ху Шу слегка дрогнул под этим взглядом и пробормотал: «Не смотрите на меня так. Даже если я лично уверен в вашей невиновности, процедуру соблюсти обязаны».

«Ладно», — сдался Лу Цинцзю.

«Ах да, — перед тем как увести задержанных, Ху Шу понизил голос: — С тем колодцем во внутреннем дворе... больше не было никаких... проблем?»

Лу Цинцзю: «Э-э... Нет... Наверное?»

Ху Шу: «Почему отвечаете так неуверенно?»

Лу Цинцзю: «Ну, я не могу с уверенностью утверждать, что сегодняшний инцидент никак не связан с тем, что притаилось в том колодце?»

Ху Шу вздрогнул: «Вы серьёзно?»

Лу Цинцзю лишь моргнул, ничего не подтверждая и не отрицая. Ху Шу хотел что-то добавить, но нерешительно замялся, будто борясь с внутренним вопросом.

Между ними повисло напряжённое молчание. Наконец, Ху Шу не выдержал и спросил, почти шёпотом: «Вы... хорошо справляетесь с такими... явлениями?»

Лу Цинцзю: «С какими именно?»

Ху Шу: «Сверхъестественными».

Лу Цинцзю: «Нет. Я и сам столкнулся с подобным впервые».

Ху Шу уставился на него глазами, полными сомнений: «Правда?»

Лу Цинцзю кивнул с предельной серьёзностью.

Видя, что тот не намерен раскрываться, Ху Шу лишь открыл рот, беззвучно выдохнул, развернулся и ушёл. Лу Цинцзю проводил его взглядом. Ему и самому многое хотелось сказать, но по какой-то неведомой причине слова застревали в горле. Впрочем, к его нынешним заботам это не имело отношения. Лу Цинцзю взглянул на курятник и тяжело вздохнул: на перьях его бойцовых цыплят ещё виднелись бурые пятна засохшей крови. Придётся снова братья за полотенце, иначе к утру весь двор будет выглядеть как поле боя.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: «Я даже собственных кур побороть не могу. Выходит, я слабейший в этом доме...»

Бай Юэху: «Ничего. Даже если ты слабейший, ты - самый вкусный».

Лу Цинцзю: «???» Это ты меня утешаешь или оскорбляешь?